

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080015816-4

БАКШЕИ – ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ

© 2021

А.В. БЕЛЯКОВ ^a

^a – Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8588-9192; belafef@gmail.com

Резюме: Статья посвящена проблеме бытования в русских землях такого понятия как бакшей. Данный термин был заимствован из Золотой Орды. Однако со временем его значение постепенно трансформировалось.

Данное слово письменно фиксируется в русских землях с XV в., при этом чаще всего в виде родового прозвища (бакшеев сын). Однако оно должно было появиться здесь не ранее XIV в. По-видимому, изначально так называли дьяков княжеских канцелярий, которые знали уйгурский язык и отвечали за все контакты с Золотой Ордой. В результате постепенной концентрации политической власти в руках великих московских князей удельные князья вытесняются из внешнеполитической сферы. Но бакшей у наследников вчерашних удельных князей как статусные холопы, отвечающие в том числе за выполнение конфиденциальных и особых поручений, сохраняются до середины XVI в. При этом они входят в верхнюю страту челяди своего господина и явно стоят выше боевых холопов. В случае смерти господина они получали свободу и могли перейти на аналогичную службу к иным крупным феодалам.

В конце XV в. в России появляется еще одна категория лиц называемая бакшееями. Это высококлассные специалисты, знающие несколько восточных языков. Возможно, они также хорошо разбирались в восточной дипломатии. Они никогда не посылаются в составе посольств и служат исключительно при московском государе. Их особый статус подчеркивался размерами материального вознаграждения за службу. Оно было выше материального содержания подавляющего числа членов государственного двора.

Все изменилось после событий Смутного времени начала XVII в. Такая категория служащих Посольского приказа, как бакшей, исчезает. Только с этого времени фиксируется привычная система деления специалистов внешнеполитического ведомства на толмачей и переводчиков. При этом ни первые, ни вторые не унаследовали статус бакшеев.

Ключевые слова: бакшей, Московское государство XV–XVII вв., Посольский приказ, переводчики, служилые татары.

Для цитирования: Беляков А.В. Бакшей – эволюция понятия. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 60–71. DOI: 10.31857/S086919080015816-4

BAKSHEYS: EVOLUTION OF THE CONCEPT

© 2021

Andrey V. BELYAKOV ^a

^a – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8588-9192; belafef@gmail.com

Abstract: *The article covers the term “bakshey” as it existed on the territory of Russia. The term was borrowed by the Russians from the Golden Horde. However, later its meaning was transformed.*

The first records of this word on the Russian territory date back to the 15th century, most often in the form of a generic by-name (e.g., “bakshey’s son”). However it is supposed to have appeared not earlier than the 14th century. Apparently, initially this was a title for Prince’s Chancellery clerks, who spoke the Uyghur language and were responsible for contacts with the Golden Horde. As a result of the fact that the Grand Princes of Moscow gradually consolidated political power, appanage princes were “driven out” from the foreign policy area. “Baksheys” took the role of high-status bond slaves for the past appanage princes. They also fulfilled confidential and special duties till the middle of the 16th century. Herewith, they represented the upper stratum of servants and were expressly above the armed bond slaves. In the event of death of their master they gained freedom and could join other great feudal lords.

At the end of the 15th century there appeared another category of “baksheys”: these are highly-qualified specialists, who spoke several Oriental languages and may also had a good knowledge of oriental diplomatic intricacies. They were never sent as part of embassies and serve exclusively under the Moscovian Prince.

After the Time of Trouble events at the beginning of the 17th century the category of baksheys as Ambassadorial prikaz employees vanished.

Keyword: *bakshey, Muscovite state in the 15th–17th centuries, Ambassadorial prikaz, translators, interpreters, serving Tatars.*

For citation: Belyakov A.V. Baksheys: Evolution of the Concept. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 60–71. DOI: 10.31857/S086919080015816-4

Занимаясь историей Московского государства XV–XVI вв., мы регулярно сталкиваемся с той или иной терминологией, позаимствованной на Востоке. При этом подчас сиюмоментное значение этих слов далеко не всегда становится для нас понятным сразу. В некоторых случаях приходится разбираться в хитросплетениях той или иной конкретной ситуации для того, чтобы понять, о чем идет речь. Одним из таких «мимикрирующих» слов является бакшей (бахшей).

В.В. Бартольд в свое время, казалось бы, дал емкое и всестороннее объяснение этому термину: «Бахши – заимствованное (вероятно, из санскр. бхикшу) слово, появившееся в восточнотюркском и персидском языках в монгольскую эпоху; обозначает, прежде всего, буддийское духовенство и в этом значении соответствует китайскому хо-шан, тибетскому лама и уйгурскому тойн. Писцы тюркского происхождения, которые должны были составлять документы уйгурским шрифтом, предназначенные для тюркского и монгольского населения, также назывались бахши; согласно Бабуру, у монголов так назывался также хирург. В государстве индийских Бабуридов бахши назывался крупный чиновник, который ведал отчетностью отдельных воинских частей и выплачивал им жалованье. В настоящее время у калмыков, монголов и маньчжуров это слово обозначает высокое духовное звание, у киргизов (диалектные формы баксы и бакса) – колдуна и прорицателя, исцеляющего больных заклинаниями, у туркмен – народного певца (и у киргизов баксы сопровождает свои заклинания звуками своего музыкального инструмента, кобуза)» [Бартольд, 2002, с. 501]. Вместе с тем существует иное этимологическое объяснение данного понятия. К. Райхл считает, что оно произошло от древнекитайского пак-ши (в современном китайском бо-ши) – мастер учитель [Райхл, 2008, с. 60]. На самом деле, все несколько сложнее.

В данной работе мы предприняли попытку разобраться в том, как со временем менялись смыслы, вкладывавшиеся в это понятие. В России бакшеем в последнее время занимался только М.А. Усманов [Усманов, 1979, с. 125–128]. За рубежом на эту тему писал И. Вашари [Vásáry, 1987, p. 31–37]. Однако в этой теме по-прежнему много белых пятен.

По легенде, после покорения найманов в 1206 г. Чингисхан сделал уйгура Татанута, являвшегося прежде хранителем печати найманского хана, своим секретарем и поручил ему научить своих сыновей уйгурской грамоте. Вскоре уйгурское письмо стало восприниматься как преимущественно монгольское. Родственники и потомки Татанута выполняли аналогичные обязанности при потомках Чингисхана. За уйгурскими писцами закрепилось название «бахши», возводимое к санскритскому «бхикшу» – буддийский отшельник. При этом бакшей долгое время успешно конкурировали с образованными чиновниками завоеванных Китая и Средней Азии. С принятием в 1312 г. ислама ханом Узбеком и, как следствие, переходом на арабскую графику чиновники-уйгуры стали постепенно вытесняться на окраины империи. Некоторые из них оказались в русских княжествах. Здесь знатоки восточной дипломатии и делопроизводства нашли теплый прием. Тем более, что по некоторым свидетельствам, среди них были не только буддисты, но и христиане. О влиянии уйгурских переселенцев говорят сохранившиеся автографы на русских документах [Морозов, 2006]. Но еще больше об этом свидетельствует появление устойчивой традиции дьяческих вертикальных монограмм, подражаний уйгурской традиции [Грязнов, 2019, с. 93–135].

Бакшей упоминаются не только в России. Известны они в Крымском [Сб. РИО, 1884, с. 173, 176, 265; ПСРЛ, 2000, с. 115], Астраханском [ПСРЛ, 2005, с. 455] и Казанском [ПСРЛ, 2000, с. 69] ханствах, Ногайской Орде [Сб. РИО, 1884, с. 82–83, 95], возможно, в Турции¹, а также, по-видимому, в Великом княжестве Литовском (?) [Усманов, 1979, с. 113, 128], по крайней мере, это слово известно в литовской метрике [Lietuvos, 1998, p. 38]. В татарских государствах носители этой должности часто выступали в роли послов. Также в документах встречается такое понятие как большой бакшей [Сб. РИО, 1895, с. 522]. При этом зачастую исследователи превращают их в рядовых писцов. На самом деле, похоже, ситуация была значительно сложнее, и статус бакшеев колебался от простых грамотеев, способных составить письмо, до начальников ханских канцелярий. Чаще всего их положение было близко русским дьякам и литовским писарям.

Сведения о бакшеях в Московском государстве XV–XVI вв. отрывочны, но и они позволяют сделать определенные выводы. Известно несколько служилых родов Бакшеевых. Однако это родовое прозвище не может служить надежным маркером для утверждения о том, что их предок выполнял функции дьяка. В данный период, судя по источникам, прозвище «бакшей» было популярно. Его носили как служилые люди, так и крестьяне. Можно даже говорить об определенной моде на это слово. Но в отдельных случаях это явно указание на исполнение человеком (его предком) некоторых административных, в первую очередь дипломатических, функций.

Рассмотрим примеры употребления этого понятия. При этом в начале обратим внимание на те случаи, когда оно фиксируется среди членов частных канцелярий высшей московской элиты XVI в.

В июле 1554 г. было пресечено бегство в Литву кн. Никиты Семенова Лобанова-Ростовского. Из допроса князя стало известно, что его туда послал шестиюродный брат боярин кн. Семен Васильевич Ростовский сообщить, что он с «братья и племянники» вослед

¹ Имеется единичное очень туманное свидетельство: «И в то время от султана бакшеем князя зовут...» [Сб. РИО, 1884, с. 108]. Публикаторы воспринимают это слово за имя князя, по нашему мнению это скорее исполняемая им должность.

«х королю идет». Перед этим, как оказалось, Семен Васильевич посылал в Литву «человека своего, бакшея, опасной просить» [*ПСРЛ*, 2000, с. 237–238; Сергеев, 2013]. Публикаторы восприняли слова бакшей как имя. Однако его, скорее, следует интерпретировать как главу личной канцелярии, синоним дьяка. В соседней Литве аналогом русского дьяка выступал писарь, дьяк же занимал положение близкое к русскому подьячему. При этом писари частных канцелярий пользовались большим доверием своих господ. Им подчас давались различные конфиденциальные поручения [Груша, 2019, с. 353–355; Рычков, 2020].

Это не единственный пример, когда главы частных канцелярий назывались бакшеями. В духовной грамоте кн. Михаила Васильевича Горбатого 1534/35 г. читаем: «А которые люди мои у меня служили по крепостем и без крепостей, и те мои люди все на слободу. Да пожаловал есми слугу своего Бакшея Семенова сына деревнею отца его Отляевым да починком Оловянкиным в Ярлыкском приселье, да опашень бархаг червчат, да дватцать рублей денег, да за его сукна приказчики мои дадут ему два сукна брюкишные восемь локот» [Акты Суздальского, 1998, № 35, с. 93]. Показательно, что из всех холопов (в том числе и боевых) по имени он назван единственным. Нам становится известно, что для того, чтобы занять это место нужно было стать холопом. Эти же лица упоминаются еще раз во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря: «7043-го (1535. – А.Б.) году июня в 25 день по князь Михайле, во иноцех Захее, Кислом дал вкладу человек его, князь Михайлов, бакшей денег 20 рублей» [*Вкладная книга*, 1987, с. 74].

Духовная кн. Ивана Васильевича Ромодановского 1521/22 г. однако несколько противоречит сложившейся картине. Среди людей (слуг) князя находящихся на положении холопов завещанных его снохе Аксинье «до ее живота или замуж пойдет»: «Христофор бакшей Сенкин сын Долгомеров», «да дьяк Иван з женою и з детми», «Кузма толмач з женою и з детми» [*Акты Российского государства*, 1998, № 40, с. 125–126]. Одновременное упоминание дьяка и бакшей ставит под сомнение их тождество. Нельзя не учитывать возможность того, что в данном случае перед нами прозвище, а не указание на профессию. Дело в том, что среди холопов князя кроме Христофора отмечено еще 5 Долгомеровых. Вместе с тем следует отметить, что Бакшей Семенов князя Михаила Горбатого и Христофор бакшей Сенкин сын князя Ромодановского, на самом деле, одно лицо. На это указывает совпадение редкого имени – прозвища, а также тот факт, что владения обоих князей располагались всего в нескольких километрах друг от друга². Если это так, то перед нами пример горизонтальной мобильности бакшеев. Можно ли предположить иную специализацию бакшеев по сравнению с дьяками?

А.Л. Грязнов, анализируя монограммы белозерских дьяков, пришел к следующим выводам: «Графика ранних монограмм, близкая к уйгурской письменности, на которой велось официальное делопроизводство монгольской империи, а затем и Золотой Орды, демонстрировала включенность русских княжеств в ордынскую политическую систему. Ярлыки русским князьям и церковным иерархам писались уйгурским алфавитом. Он же, очевидно, использовался и для ответных посланий. Соответственно, присутствие в княжеской канцелярии дьяка, знавшего уйгурскую письменность, свидетельствует о возможности соответствующего князя вести самостоятельные отношения с Ордой и получать ярлык на свое княжение ... участие дьяка, сферой компетенции которого были внешнеполитические отношения, в составлении обычных жалованных грамот может свидетельствовать о не очень четком разграничении этих сфер внутри княжеской канцелярии ... переход на кириллические монограммы, как в белозерском уделе, так и в других уделах, вероятно, свидетельствует о вытеснении удельных князей из внешнеполитической сферы» [Грязнов, 2019, с. 133–134]. Очень важно замечание исследователя о том, что переход от уйгурицы

² На данный факт автору указал А.Л. Грязнов.

наметился в середине XV в. [Грязнов, 2014; 2017]. Предположим, что бакшей – это дьяки, владевшие кроме русского еще как минимум одним иностранным языком (и возможно, не только уйгурским), в том числе письменным. Такие лица в окружении потомков удельных князей носили двоякую функцию. С одной стороны – это статусные слуги, напоминающие о прежнем высоком положении их хозяев. С другой – данные лица возглавляли личные канцелярии князей в случае поручения им великим князем того или иного задания дипломатического характера. А.Л. Грязнов в личной беседе отметил, что почти все примеры значения слова бакшей, приведенные В.В. Бартольдом, укладываются в значение русского слова дьяк (писец, делопроизводитель, религиозный деятель, в том числе связанный с пением). Случайно ли такое совпадение?

Мы вправе предположить о сохранении следов наличия бакшеев за пределами Московского княжества. В Окологородном стане Рязанского уезда в конце XVI в. фиксируются помещики Бакшеевы, владевшие одноименной деревней [*Писцовые книги*, 1996, с. 32–33]. К этому времени род уже разросся. В писцовой книге упоминается три поколения рода. Старшие представители семьи (семей) родились не ранее середины XVI в. При этом их родоначальник должен был жить на рубеже XV–XVI вв. или даже ранее. По-видимому, он являлся бакшеем великого князя рязанского. Косвенным подтверждением этого могут служить следующие факты. В Рязанском уезде такой топоним больше не фиксируется [Бабурин, 2004, с. 25]. К тому же у рязанских князей отмечаются толмачи (Юрманча, ок. 1486 г. [*Акты служилых*, 2008, № 75]), без которых связь с Ордой была также невозможна. Они выполняли множество функций помимо переводов, в том числе приставов при послах. Имелся у рязанских князей и аналог московских великокняжеских служилых татар, также обеспечивавших устойчивые контакты в начале с Золотой Ордой, а далее с ее наследниками, бардаковские татары, испомещенные недалеко от Рязани [Беляков, 2011, с. 252]. Так, белозерским князьям, по-видимому, служил отец или же дед упоминаемого во 2-й четверти XVI в. Сени Бакшеева [Грязнов, 2019, с. 292]. Однако для окончательного признания последнего предположения требуются дополнительные факты. Пока же данное наблюдение подкрепляется только значительным распространением на грамотах, созданных в этом регионе, дьячих заверительных приписей, подражающих уйгурскому письму [Грязнов, 2019, с. 93–135].

Неизвестно ни одного документа, в котором великокняжеские дьяки назывались бы бакшеями. На договорной грамоте Василия II и Дмитрия Шемяки имеется припись из пяти слов на уйгурском языке. Второе и третье читается как «битикчи Андирай» (писец Андрей) [Грязнов, 2014, с. 153]. Слово «битикчи» произошло от древнетюркского «бити» – писать. В монгольский язык оно вошло из уйгурского и обозначало секретаря-делопроизводителя. По данным М.А. Усманова, уже в XIV–XVI вв. этот термин в значении писца-исполнителя был уже архаичен и заменялся «бакшеем» [Усманов, 1979, с. 125]. То, что писарь и бакшей не тождественные понятия, хотя эти функции мог выполнять один человек, подтверждает фраза из крымских посольских книг: «... с его писарем и бакшеем Ази-Мендеем-афызом» [*Сб. РИО*, 1895, с. 392].

С прекращением зависимости русских земель от Орды статус бакшеев постепенно трансформируется. Начиная с конца XV в. фиксируются лица тюркского происхождения с таким же прозвищем. При этом их служба всегда носит дипломатический характер и связана с переводами посольской корреспонденции с различных восточных языков. Первым на страницах документов попадает Абляз-бакшей (Аблез, Обляз). В сентябре и октябре 1489 г. он писал грамоты в Крым к Менгли-Гирею [*Сб. РИО*, 1884, с. 75, 78]. В апреле 1490 г. в очередной раз писал грамоту в Крым к Менгли-Гирею [*Сб. РИО*, 1884, с. 87]. В августе того же года писал грамоту «татарским письмом» в Ногайскую Орду к Мусе-мирзе

[Сб. РИО, 1884, с. 100; *Посольские книги*, 1995, с. 29]. В ноябре 1491 г. списывал «ярлык» Менгли-Гирея царя Ивану III [Сб. РИО, 1884, с. 120–122]. В феврале 1498 г. переводил турецкие грамоты [Сб. РИО, 1884, с. 247]. В октябре 1500 г. получены известия об измене Аблеза-бакшея, который якобы посылал в Астрахань своих людей с призывом захватить московских послов [Сб. РИО, 1884, с. 333, 335]. Последствия этого извета неизвестны.

В это же время недалеко от Москвы в Ростунове стане среди великокняжеских татар значатся, по-видимому, три брата – Мерет-Хозя, Тулуш и Тювекель (Тевекель), о которых сказано, что они бакшеевы дети. С 1487 по 1504 гг. они неоднократно посылались в Крым как в составе посольств, так и с собственными миссиями (как правило, доставка грамот) [Сб. РИО, 1884, с. 70, 347, 353, 370, 430, 520]. Таким образом, служба в бакшеях не являлась наследственной. Хотя такие примеры тоже известны, но для того, чтобы ее исполнять, требовалось обладать определенным набором личных качеств.

Во второй половине XVI – начале XVII вв. в Посольском приказе известна семья служилых татар Тенишевых – Бакшеевых. Основатель рода, Тениш (Джан-Мухаммед)-бакшей известен с 1537 по 1564 гг. Тениш, похоже, был хорошим переводчиком. 13 декабря 1562 г. ногайские послы приехали в Москву. А уже 15 декабря переводы четырех грамот сделанные Тенишем отправили Ивану IV. Не позднее чем в 1570-х гг. в приказе служат его дети Абдрахман, Семен и Богдан. Позднее отмечаются и иные Тенишевы. Однако точно соотнести их родственные связи с Тенишевыми-Бакшеевыми более раннего периода на настоящий момент не представляется возможным. К тому же в отличие от родоначальника и его сыновей у нас нет оснований причислять их к бакшеям. Они служили в станичниках и толмачах Посольского приказа [Моисеев, 2019]. Отметим тот факт, что братья Тенишевы были испомещены в Коломенском уезде, а также имели дворы в Коломне (по-видимому, они им достались от отца) в непосредственной близости от царского двора, «за государевым царевым и великого князя двором» [Города, 2002, с. 26]. По-видимому, этот двор принадлежал еще Тенишу, игравшему заметную роль во внешнеполитических событиях 1550-х – 1560-х гг. В связи с этим возникает ряд вопросов. Имелся ли у них двор в Москве? Если нет, то как функционировал механизм привлечения их к работе в Посольском приказе? Ведь они получали за свои услуги более чем значительное содержание. В волости Мещерка Коломенского уезда трем братьям Тенишевым принадлежало 511 четей земли [Моисеев, 2017, с. 238].

Из дела о поместном окладе и годовом денежном жаловании другого переводчика Посольского приказа, Кучукая Устокасимова, нам становятся известны дополнительные данные об Абдрахмане Тенишеве. В ноябре 1589 г. Кучукай подал челобитную, из которой нам становится известно, что при Иване IV ему был пожалован поместный оклад в 1000 четей. К тому же это была не заявленная величина возможного земельного владения, а его реальный размер. В Вяземском уезде ему принадлежало 600 четей, а в Можайском – 400. Годовой денежный оклад составлял 130 рублей. Однако при царе Федоре Ивановиче было решено несколько сократить столь крупное содержание переводчика. Ему назначили 70 рублей годового жалования и 600 четей поместного оклада. Можайские земли ушли в поместную раздачу. Одновременно с этим мы узнаем, что ранее Абдрахман получал 50 рублей в год и имел поместный оклад в 400 четей. Однако при Федоре Ивановиче он получил придачу в 200 четей и 20 рублей. По челобитью поместный оклад Кучукая было решено восстановить. Информация о годовом жаловании отсутствует. Однако по косвенным данным (челобитная переводчика Посольского приказа 2-й половины XVII в. Н. Сфафария), оно даже выросло до 170 рублей [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1673, д. 5, л. 84–85].

Остановимся подробнее на Устокасимове. Все из того же дела нам известны дополнительные детали. Оказывается, он знал турецкий, татарский, персидский и арабский языки,

«и с русского писма, в мусюлманские государства, в Бухар и в Юргенч, и в ыные государства мудрые предисловья пишу, и с отцом твоим, государем нашим, во многих походах бывал, и вам, государем, служил з дворяны в ряд». Но самое главное, что в указной грамоте дьякам Поместного приказа он назван Кучук бакшеем Устокасимовым [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589, д. 25, л. 2, 1 об.]. Отметим, бакшеем он называет себя не сам, так его идентифицируют приказные власти. Кучук впервые упоминается в июне 1571 г. Тогда он переводил грамоты крымского хана Девлет-Гирея. Отец Кучука, Устокасим (Стакасим), также, похоже, известен нам. Он отмечен в связи с изменой его шурина новокрещена Ивана (Сулеймана) Урманова. Иван в 1571 г. бежал в Крым и призывал хана совершить поход на Русские земли [Посольская книга, 2016, с. 76–77]. А.В. Лаврентьев сделал предположение о том, что Устокасим являлся казанским ювелиром (золотарем), создавшим для Ивана IV Казанскую шапку [Лаврентьев, 2008]. Однако, по нашему мнению, эта версия требует дополнительных обоснований.

Потомки Кучука служили в переводчиках Посольского приказа почти весь XVII в. Резеп Кучуков (Кучумов) (? – 1629/1630 гг.) являлся переводчиком татарского и, возможно, турецкого языков с 1615 [Лисейцев, 2003, с. 372–373; Беляков и др., 2019, с. 203] по конец 1629 / начало 1630 г. (умер от ран при возвращении из крымской посылки) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1630, д. 1, л. 109]. Кутлоамет (Андрей) Резепов служил переводчиком татарского языка с 1638/39 гг. [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1649, д. 11, л. 3] по 31 октября 1689 г. [РГАДА, ф. 159, оп. 2, д. 2197].

В Шелонской пятине Новгородского уезда в 1590 г. известна семья помещиков Бакшеевых, которая, по-видимому, имеет самое прямое отношение к Посольскому приказу. На это указывает два факта: родовое прозвище и факт того, что вдова Дарья отмечена как жена новокрещена Петра-бакшея [Антонов, 2002, № 153, 155]. В последней четверти XVI в. станичники Посольского приказа начинают испомещаться в Новгороде. В настоящее время отождествить Петра-бакшея (Бакшеева) сложно. Наиболее всего на эту роль подходит один человек. По данным М.В. Моисеева, с 1553 по 1571 гг. в Посольском приказе отмечен бакшей из династии великокняжеских служилых татар Кадышевых, Исатинай-бакшей (Байкеш) Темеев (Темишев) сын Кадышев [Моисеев, 2020]. На самом деле, Исатинай встречается последний раз в 1586 г., когда просит прибавку за крымскую посылку. В документах он упоминается как станичный голова, причем не с самыми большими размерами годового денежного жалования и поместного оклада [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1584, д. 1]. В этой истории Исатинай уникальна. Дело в том, что во всех остальных известных нам случаях бакшей никогда не посылались в сопредельные страны и служили на территории России. Возможно, перед нами пример постепенной девальвации рассматриваемого нами понятия, или же под бакшеем следует подразумевать более раннее родовое прозвище, полученное от статуса предка.

В Посольском приказе XVI – начала XVII вв. известно несколько категорий служащих восточного происхождения: переводчики, толмачи, станичники и служилые татары. Разграничить их функции более чем не просто. Один человек может в разных ситуациях называться толмачом, переводчиком или же станичником. По-видимому, четкого деления не существовало, и в зависимости от конкретной службы человеку приписывалась та или иная роль. Похоже, изначально, еще до возникновения Посольского приказа, это были великокняжеские служилые татары, в функцию которых входили доставка дани, грамот и вестей, проводы московских посольств в золотоордынские «юрты» (Крым, Астрахань, Казань, Большую и Ногайскую Орды). И.В. Зайцев относит их появление у московских князей ко второй половине XIV в. [Зайцев, 2013; Моисеев, 2017]. Наблюдения А.А. Горского над терминами «ордынцы» и «делной» позволяет нам напрямую связать великокняжеских

татар с так называемыми численными людьми. Упоминание их как «численных», по-видимому, указывает на то, что изначально их было определено строго оговоренное количество. В 1364 г. о них говорится как о вполне сложившейся корпорации. А.А. Горский обоснованно связывает их появление с зарождением в 1347 г. практики отправления регулярных ордынских посольств в русские земли [Горский, 2018]. В.И. Сергеевич видит аналогичную социальную группу в Рязанском княжестве в виде «кладежных людей» или «тяглых, кои послов кормят» [Сергеевич, 1909, с. 302–304]. Но в таком случае остается необъясним их «тяглый» статус. Ордынцы явно были служилыми людьми. Данное занятие было семейным и наследственным. Среди служилых татар много родственников. За службу их испомещали в подмосковных селах. Общая численность великокняжеских татар (включая детей и женщин) могла достигать нескольких сот человек. Постепенно, уже во второй половине XVI в., они теряют связь с внешнеполитическим ведомством, принимают православие и оказываются связаны (в первую очередь по земле) с иными регионами Московского государства. Однако следы профессиональной корпорации, сформированной по этническому принципу, заметны еще в 1620-х гг. [Зайцев, 2013; Моисеев, 2017].

Постепенно среди татар стала развиваться дифференциация по степени их грамотности и способности к восточным языкам, а также личным качествам. Стали выделяться: толмачи – выполнявшие роль переводчиков, как письменной, так и устной речи, а также приставов при послах; станичные головы – возглавлявшие станицы, минимальные структурные подразделения способные выполнять те или иные поставленные перед ними задачи; рядовые станичники.

Но до конца XVI в. существовала еще одна категория служащих внешнеполитического ведомства – бакшей. Это были высококвалифицированные переводчики, владевшие несколькими языками, а также специалисты, разбирающиеся в тонкостях восточной дипломатии, способные разрешить те или иные сложные ситуации. Это была элита русской восточной политики. Следует согласиться с утверждением о том, что во многом восточный дипломатический понятийный аппарат был создан именно ими [Бережнов, 1894, с. 15–16]. Возникает вопрос о их происхождении. С одной стороны, мы видим, что Тенишевы явно связаны с остальными великокняжескими (царскими) служилыми татарами. Но, с другой, потомки бакшеев не достигают статуса своих великих отцов и дедов. По ряду причин происходило постепенное затухание импульса, данного великим предком. Поэтому мы вправе предположить, что изначально бакшей были недавними выходцами с Востока. Они никогда не посылались в зарубежные посылки и, похоже, должны были находиться в непосредственной близости от московского государя. С последней трети XVI в. они начинают подчас отождествляться с переводчиками. Однако, по-видимому, эти два понятия не были синонимами.

Все кардинально поменялось в эпоху Смуты. Понятие бакшей уходит из приказной практики. Хотя к статусу бакшеев мусульман отчасти могли приближаться и отдельные русские люди. К ним, безусловно, следует отнести Прокофия Иванова сына Вражского, служившего переводчиком Посольского приказа с 1604 по 1643 гг. [Лисейцев, 2003, с. 370–371; Беляков и др., 2019, с. 192], а также братьев Степана и Вельямина Степановых (рубеж XVI–XVII вв.) [Виноградов, 2019]. Происходит окончательная институализация толмачей и переводчиков. При этом среди толмачей фиксируется большое количество русских выходцев из плена. Впервые о них как о двух отдельных группах приказных служащих говорится в ноябре 1601 г. [*Народное движение*, 2003, № 5, с. 34]. А вот численность станичников начинает резко сокращаться. Хотя этот процесс и затянулся до середины XVII в., потомки «ордынцев» остаются в явном меньшинстве среди служащих внешнеполитического ведомства. Возможно, причину, по которой понятие «бакшей» уходит в прошлое, следует

видеть в опосредованном среднеазиатском влиянии. Приблизительно в это время данная дефиниция здесь начинает по преимуществу означать исполнителя устного эпоса и даже шамана, колдуна, знахаря, чародея [Райхл, 2008, с. 60]. В последнем значении бакшей упоминаются в это время и за Уралом.

Все же имеется единичное упоминание бакшей в Посольском приказе второй половины XVII в. Это переводчик татарского языка Степан Игнатьев (Бакшаев) сын Самойлов. Он служил с 1648/49 по 1657/58 гг. [Беляков и др., 2019, с. 200]. Но по своему статусу он был далек от бакшеев XVI в. Да и грамотных людей теперь чаще называли абызами (хафизами) [Беляков, 2015].

В XVII в. бакшей упоминаются в России в связи с посольством «мугульского Алтына царя». Все послы имели к имени приставки «бакши» [*Акты исторические*, 1841, с. 364]. Из дел не совсем понятно, были ли это священнослужители или же так обозначали грамотных людей.

Мы видим, что такое явление как бакшей требует серьезного и всестороннего исследования. Но уже сейчас понятно, что их появление в русских землях было связано с потребностями в профессионалах, обеспечивавших дипломатические контакты на восточном направлении. Первые бакшей, по-видимому, были близки по своему статусу с великокняжеским казначеем и дьяком Остафием Аракчеевым, поставившим под одним из документов свою подпись на татарском языке [Зимин, 1991, с. 168]. Постепенно этот термин эволюционировал в сторону знатока восточных языков. При этом, когда, казалось бы, он устойчиво вошел в приказной обиход, происходит резкий отказ от него. Отметим, что понятия абыз и переводчик не смогли его заменить.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей [*PSRL* – Complete Collection of Russian chronicles].

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [*RGADA* – Russian State Archive of Ancient Acts].

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества [*Sb. RIO* – Collection of the Russian Historical Society].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841 [*Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission*. Vol. III. Saint Petersburg: Tipografiya II-go Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1841 (in Russian)].

Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII в. М.: Ладомир, 1998 [*Acts of the Russian State. Archives of Moscow Monasteries and Cathedrals of the 15th – Early 17th Centuries*. Moscow: Ladomir, 1998 (in Russian)].

Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII века. Т. IV. М.: Древлехранилище, 2008 [*Acts of Service Landowners of the 15th – Early 17th Centuries*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. Vol. IV (in Russian)].

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева Монастыря 1506–1608 гг. М.: Памятники исторической мысли, 1998 [*Acts of the Suzdal Spaso-Evfimiev Monastery 1506–1608*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1998 (in Russian)].

Антонов А.В. Частные Архивы русских феодалов XV – начала XVII века. *Русский дипломатий*. Вып. 8. М.: Древлехранилище, 2002 [Antonov A.V. Private Archives of Russian Feudal Lords of the 15th – Early 17th Centuries. *Russian diplomatiy*. Vol. 8. Moscow: Drevlekhranilishche, 2002 (in Russian)].

Бабурин А.В. Рязанский топонимический словарь (название рязанских деревень). *Рязанский этнографический вестник*. 2004. № 32. С. 1–545 [Baburin A.V. Ryazan Toponymic Dictionary (the Name of Ryazan Villages). *Ryazan Ethnographic Bulletin*. 2004. No. 32. Pp. 1–545 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Собрание сочинений. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Восточная литература, 2002 [Bartold V.V. *Collected Works. Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian)].

Беляков А.В. *Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование*. Рязань: Рязань. Мир, 2011 [Belyakov A.V. *The Genghisids in Russia in the 15th–17th Centuries: A Prosopographic Research*. Ryazan: Ryazan. Mir, 2011 (in Russian)].

Беляков А.В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков. *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2015. № 7. С. 40–45 [Belyakov A.V. Abyzes (Hafiz) in the Moscow State of the 16th–17th Centuries. *Medieval Turko-Tatar States*. 2015. No. 7. Pp. 40–45 (in Russian)].

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные). *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия*. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 187–209 [Belyakov A.V., Guskov A.G., Liseytshev D.V., Shamin S.M. Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th Century: Personnel (Preliminary Data). *Translators and Translations in Russia in the Late 16th – early 18th Centuries*. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2019. Pp. 187–209 (in Russian)].

Бережнов Н.М. *Древнейшая книга крымских посольских дел 1474–1505 гг.* Симферополь: Таврическая губернская типография, 1894 [Berezhnov N.M. *The Oldest Book of the Crimean Embassy Affairs of 1474–1505*. Simferopol: Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1894 (in Russian)].

Виноградов А.В. Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова. *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия*. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 32–40 [Vinogradov A.V. Interpreters of the Ambassadorial Prikaz Stepan and Velyamin Stepanov in Diplomacy of Boris Fedorovich Godunov. *Translators and Translations in Russia in the late 16th – early 18th Centuries*. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2019. Pp. 32–42 (in Russian)].

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987 [Book of Gifts of the Holy Trinity-St. Sergius Monastery. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian)].

Города России XVI в. М.: Дрвлекхранилище, 2002 [Cities of 17th Century Russia. Moscow: Drevlekhраниlishche, 2002 (in Russian)].

Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делуи». *Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори*. М.: Индрик, 2018. С. 173–179 [Gorsky A.A. Moscow “Horde” and “Deluis”. Multicolor Vertograd. *Collection for the 80th Anniversary of Boris Nikolaevich Florya*. Moscow: Indrik, 2018. Pp. 173–179 (in Russian)].

Груша А.И. *Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.)*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019 [Grusha A. *Crisis of Trust? Appearance and Establishment of Legal Document in the Grand Duchy of Lithuania (End of 14th – First Third of 16th Centuries)*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019 (in Russian)].

Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV в. *Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, научные суждения историка*. М.: РГГУ, 2014. С. 152–155 [Gryaznov A.L. Dyaks Monograms on Spiritual and Contractual Charters of Moscow Princes of the 15th century. *Auxiliary and Special Sciences of History in the 20th–early 21st century: Vocation, Creativity, Scientific Judgments of the Historian*. Moscow: RHSU, 2014. Pp. 152–155 (in Russian)].

Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ. *Вестник «Альянс-Архео»*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. Вып. 18. С. 31–84 [Gryaznov A.L. Dyaks' Monograms on the Acts from the Board

of Economy fund. "Alliance-Archeo" Bulletin. Moscow; Saint Petersburg: Alliance-Archeo, 2017. Vol. 18. Pp. 31–84 (in Russian)].

Грязнов А.Л. *Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень*. Вологда: Древности Севера, 2019 [Gryaznov A.L. *Belozersk Acts of the 14th–16th Centuries: the Research and the List*. Vologda: Drevnosti Severa, 2019 (in Russian)].

Зайцев И.В. *Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае* [Zaitsev I.V. *Great-Princely Service Tatars in the 15th – First Half of the 16th Century and Their Land Ownership in the Moscow Region* (in Russian)] <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (accessed: 13.10.2020).

Зимин А.А. *Вулязь на распутье*. М.: Мысль, 1991 [Zimin A.A. *Knight at a Crossroads*. Moscow: Mysl', 1991 (in Russian)].

Лаврентьев А.В. Казанская шапка и казанские цари. *Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б.Н. Флори*. М.: Индрик, 2008. Вып. 12. С. 99–117 [Lavrent'ev A.V. *Kazan crown and Kazan kings. Anfologion. Slavs and THEIR NEIGHBORS. Power, Society, Culture in the Slavic World in the Middle Ages. To the 70th Anniversary of B.N. Florya*. Moscow: Indrik, 2008. Vol. 12. Pp. 99–117 (in Russian)].

Лисейцев Д.В. *Посольский приказ в эпоху Смуты*. М.: ИРИ РАН, 2003 [Liseytshev D.V. *Ambassadorial Order During the Time of Troubles*. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2003 (in Russian)].

Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде XVI в.: (предварительные замечания). *Вестник университета Дмитрия Пожарского*. 2017. № 2. С. 236–247 [Moiseev M.V. *Land tenure of service Tatars in the Kolomna district of the 16th century: (preliminary remarks)*. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2017. No 2. Pp. 236–247 (in Russian)].

Моисеев М.В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия*. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 83–87 [Moiseev M.V. *The Teneshevs-Baksheevs: a Family of Translators and Interpreters of the 16th century. Translators and Translations in Russia in the Late 16th – Early 18th Centuries*. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2019. Pp. 83–87 (in Russian)].

Моисеев М.В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии. *Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis*. Минск: РИВШ, 2020. Вып. 13. С. 89–96 [Moiseev M.V. *The Kadyshchev Family of Messengers: Milestones of the Official Biography. Studia historica Europae orientalis*. Minsk, 2020. Vol. 13. Pp. 89–96 (in Russian)].

Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике). *Памяти Лукичева*. М.: Древлехранилище, 2006. С. 173–199 [Morozov D.A. *Uyghur Autographs of Moscow Clerks (Addition to Old Russian Diplomacy)*. In *Memory of Lukichev*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006. Pp. 173–199 (in Russian)].

Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. М.: Наука, 2003 [Popular Movement in Russia during the Time of Troubles at the Beginning of the 17th Century, 1601–1608. Moscow: Nauka, 2003 (in Russian)].

Писцовые книги Рязанского края XVI века. Т. I. Вып. 1. Рязань: Русское слово, 1996 [Books Describing the Ryazan Region of the 16th century. Vol. I. No. 1. Ryazan: Russkoe slovo, 1996 (in Russian)].

Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000 [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XIII: Nikon Chronicle. Moscow: Languages of the Russian Culture, 2000 (in Russian)].

Полное собрание русских летописей. Т. XX: Львовская летопись. М.: Языки русской культуры, 2005 [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XX: Lviv Chronicle. Moscow: Languages of the Russian Culture, 2005 (in Russian)].

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: Издательский дом Марджани, 2016 [Ambassadorial Book on the Ties between the Moscow State and Crimea. 1571–1577. Moscow: Izdatelskii dom Mardzhani, 2016 (in Russian)].

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995 [*Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde 1489–1549*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995 (in Russian)].

Райхл К. *Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура*. М.: Восточная литература, 2008 [Raikhl K. *Turkic Epos: Traditions, Forms, Poetic Structure*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2008 (in Russian)].

Рычков А. О практиках коммуникации в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. на примере одного черновика. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020. № 2. С. 14–32 [Rychkov A. About the Communication Practices in the Grand Duchy of Lithuania in the First Half of the 16th Century on the Example of One Draft. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2020. No. 2. Pp. 14–32 (in Russian)].

Сборник Русского исторического общества. Т. 95. М.: Типография А. Траншеля, 1895 [*Collection of the Russian Historical Society*. Vol. 95. Moscow: Tipografiia A. Transhelya, 1895 (in Russian)].

Сборник Русского исторического общества. Т. 41. М.: Типография О. Елеонского и К°, 1884 [*Collection of the Russian Historical Society*. Vol. 41. Moscow: Tipografiia O. Eleonskogo i K°, 1884 (in Russian)].

Сергеев А.В. Из истории политической борьбы 50-х гг. XVI в. «Дело князя Семена Ростовского». *История и культура Ростовской земли: 2012*. Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2013. С. 66–74 [Sergeev A.V. From the History of the Political Struggle of the 1550-s “The case of Prince Semyon Rostovsky”. *History and Culture of the Rostov Land: 2012*. Rybinsk: Rybinskii Dom pechati, 2013. Pp. 66–74 (in Russian)].

Сергеевич В.И. *Древности русского права*. Т. I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909 [Sergeevich V.I. *Antiquities of Russian Law*. Vol. I. Saint Petersburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, 1909 (in Russian)].

Усманов М.А. *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.* Казань: Издательство Казанского университета, 1979 [Usmanov M.A. *Acts of the Dzhuchiev Ulus of the 14th–16th Centuries*. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1979 (in Russian)].

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998 [*Lithuanian Metrika. Book of Inscriptions*. Vilnius, 1998 (in Russian)].

Vásáry I. *Az Arany Horda kancelláriája*. Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1987 [Vasary I. *Chancellery of the Golden Horde*. Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1987 (in Hungarian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛЯКОВ Андрей Васильевич – д.и.н.,
старший научный сотрудник, Институт
русской истории, Москва, Россия.

Andrey V. BELYAKOV, DSc (History), Senior
Researcher, Institute of Russian History, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.